

Интервью с И. Дзялошинским в студии «Замана»

Т. Валиева – ведущая программы. Доброе утро, уважаемые телезрители. Мы начинаем нашу рубрику «Тема дня» и ее гостем является Дзялошинский Иосиф Михайлович, председатель Совета директоров Независимого института коммуникативистики, профессор, президент фонда «Комиссия по свободе доступа к информации». Доброе утро, я рада видеть Вас в нашей студии. И надо сказать, что Иосиф Михайлович не случайно находится у нас в республике. Буквально на днях «Интерньюс» совместно с фондом «Сорос-Кыргызстан» и при содействии пресс-службы Президента Кыргызской Республики в нашей стране провел 1-ю республиканскую конференцию под названием «Мы делаем новости», и Иосиф Михайлович был ее гостем. Мало того, он был тренером и участником, очень активным участником всех дискуссий, которые разгорелись на этой конференции. И, кроме того, буквально в эти дни, вчера, завершился трехдневный семинар для руководителей пресс-служб органов государственного управления, где Иосиф Михайлович опять-таки был основным тренером и обучал наших руководителей пресс-служб основам их профессии, так?

И. Дзялошинский. Он еще не завершился. Он только сейчас завершается.

Т. Валиева. Все понятно. Иосиф Михайлович! Скажите, пожалуйста. Ну, вот мы вкратце как бы цели Вашего визита объяснили. Но может быть Вы подробнее, более подробно объясните, на самом деле было ли Вам интересно. С какой целью? Цель, которая была поставлена перед Вами и то, что Вы перед собой ставили, вот все это как-то совпало? Вам было интересно?

И. Дзялошинский. Спасибо за вопрос. Дело в том, что наш институт довольно много работает в России и в других государствах по проблемам повышения информационной прозрачности власти. Это просто одна из наших задач и у института, и у фонда, который стремится достичь, создать ситуацию, при которой граждане стран, переходящих к режиму демократии, получали бы достоверную информацию о действиях и власти, и бизнеса, и других структур. Так получилось, что мы провели ряд больших семинаров в России, по заказу «Интерньюс – Россия» и по заказу института Всемирного банка. И видимо об этом узнали в центрально-азиатских республиках и в конце прошлого года нас пригласили провести семинары в 4-х центрально-азиатских республиках, ну кроме Туркменистана для бизнес структур. Мы такие семинары провели и видимо те, кто в них участвовал, распространил эту информацию дальше, и в марте этого года нас пригласили провести семинар для пресс-секретарей служб органов государственной власти. Мы его провели, на этом семинаре мы доказывали пресс-секретарям, что задача выступать не в качестве фильтров на пути информации, а в качестве широко распахнутых ворот и более того в качестве помощников журналистов. Это шло довольно трудно, но мне, кажется, за 5 дней прошлого семинара, нам кое-что удалось доказать, помочь, объяснить и т.д. и т.д. И когда на этом семинаре был круглый стол, на прошлом я имею в виду семинаре, о взаимоотношениях журналистов и пресс-секретарей, там как раз возник этот разговор о необходимости создания какого-то механизма, регулирующего взаимоотношения между разными участниками информационного процесса. И после этого я получил там несколько писем с просьбой предоставить материалы о том, как в мире

решаются эти проблемы. Мы прислали сюда всякие материалы и к нашему большому удовольствию, даже восторгу, здесь появилась инициативная группа. Она разработала какой-то документ, и нас пригласили провести семинар для пресс-секретарей. Но подгадали так, что этот семинар совпал как раз во времени с этой конференцией. Я с большим удовольствием принял участие в той дискуссии, которая развернулась по поводу механизмов саморегулирования деятельности журналистов.

Т. Валиева. Иосиф Михайлович! Мы еще перейдем к конференции и к той дискуссии, которая разгорелась. Мы поговорим об этом более подробно. Но меня в первую очередь волнует вот такой вопрос. Вы профессионал в своем деле и как Вы нашли наше профессиональное сообщество журналистов, вот нашей кыргызстанской?

И. Дзялошинский. Вы знаете, я хотел бы начать с очень маленькой и очень красивой истории, которая описана в марсианской хронике Рэя Бредбери. Был такой блистательный, американский писатель. Вот он там описал ситуацию. Некая бездетная пара живет в маленьком домике, у них много лет назад умер сын. Они по этому поводу горюют. И вдруг однажды утром у них в доме появляется мальчик, абсолютно похожий на погибшего сына. Может, Вы помните эту историю? Они за ним ухаживают, лелеют его, и жизнь наполняется смыслом. Потом мальчик исчезает и оказывается в другой квартире, где замечает за собой, он превращается в девочку, которую давным-давно потеряли другие родители. Короче описана мягкая ситуация и вдруг однажды мать этого существа оказывается на площади, вокруг него толпа разъяренных людей, каждый из которых требует от этого существа – стань таким каким я хочу тебя видеть. И это существо исчезает. Оно просто в лужице остается. Вот кыргызстанские СМИ, как и СМИ многих других постсоветских государств, очень похожи на этого мальчика. Вокруг них власть, бизнес, так называемый третий сектор, группа давления и все требуют: будьте нашими. И вместо того, чтобы найти способ стать равноудаленной, пользуясь идеей российского Президента, который стремится быть равноудаленным от центра влияния, а казахстанские, кыргызстанские СМИ, но я должен сказать, что у нас есть анализ и казахстанских, и туркменских, и узбекских. Они, к сожалению не нашли эту точку равноудаления и все время пытаются с кем-то сплотиться, соединиться, слиться в экстазе. В результате мы не имеем, сейчас по крайней мере на уровне Кыргызстана, не имеем профессионального сообщества, а есть группы, разрозненные группы, каждая из которых торжественно заявляет: мы государственные, а вы дескать плохие. Те говорят: нет, мы оппозиционные, а вы плохие. Да третьи говорят: а мы вообще независимые, потому что зарабатываем на порнографии, так скажем, да. И все между собой грызутся, не понимая, что в принципе они должны быть единым профессиональным сообществом. Вот это ощущение сообщества нет пока. И это для меня означает не сформированность профессии. В душе он же должен понимать, что он, конечно, может быть и публицистом, и информационщиком, и может зарабатывать на своей деятельности, а может прогорать, но у него есть профессиональная миссия обеспечивать граждан своей страны достоверной информацией о том, что происходит вокруг людей, с тем, чтобы они могли ориентироваться в этой действительности. Вот, к сожалению, этого понимания, на мой взгляд, у многих коллег нету. И конференция, как раз это показала.

Т. Валиева. Эта конференция действительно показала эту разрозненность. Мы, причем сами журналисты собственно это и понимали, об этом с горечью говорили. И

поэтому как бы само собой что ли, родилась вот такая идея о том, что на самом деле нужно как-то нам, если не идти вместе, это конечно, невозможно, наверное, да. В силу разных позиций и т. д. Но хотя бы корректно вести себя, а для этого на самом деле нужен может быть какой-то саморегулирующий орган. В частности на этой конференции речь шла в некоем медиасовете. Вот как Вы находите эту идею медиасовета, и в России, насколько я знаю, есть подобный опыт, подобный институт.

И. Дзялошинский. Я должен сказать, что в принципе во всем мире, так сказать в цивилизованных странах и в странах, которые пытаются перейти от традиционного общества к динамично развивающемуся, проблемы регулирования деятельности средств массовой информации возникают непрерывно. Существуют три основных способа: первый способ – это закон, когда принимают специальный закон, где специальный государственный орган следит за всем, чтобы средства массовой информации этот закон соблюдали. Иногда этот закон или так эти нормы включаются в Конституцию – основной закон страны, иногда специальный закон. Вот в России есть специальный закон о СМИ. Один из лучших законов, который я знаю. Другой способ регулирования связан с тем, что и специалисты, и юристы понимают, что в деятельности СМИ есть много ситуаций, которые очень трудно прописать в законе. Потом создаются некие корпоративные структуры, как правило, эти структуры создаются самими журналистами, которые отслеживают действия журналистов, стремясь создать атмосферу, при которой журналист добровольно не будет нарушать неких правил и принципов. Я просто не говорю, какого качества эти правила и принципы, но мировая тенденция именно такова, журналисты сами регулируют свою деятельность, чтобы не быть подчиненными напрямую государству. Есть еще третий способ. Он связан с тем, что общество берет на себя функцию наблюдать за СМИ. Это новая идея, она сейчас проверяется в Америке, в Англии, в России, возникают некие группы рассерженных граждан, которые начинают говорить журналистами напрямую, что вы делаете не то. Вот допустим, в Нижнем Новгороде обозленные граждане собираются возле телевышки и непрерывно скандируют и выступают, и говорят: ребята вы нам не то показываете, что мы хотим. Журналисты отбиваются, конечно, от этого. Понятно. Потому, что они уверены, что могут делать все, что они хотят, поскольку это свободная профессия. Граждане говорят, что ничего подобного, власть при этом играет свою игру, но вы понимаете, что из этого происходит. Поэтому мировая практика пока еще связана с пониманием, что должны быть какие-то структуры саморегулирования, которые будут помогать журналистам, самих себя удерживать вот вне этических или так скажем, нарушающих общественную нравственность и общественные интересы поступков. В России такой опыт есть, там был создан в свое время так называемый третейский суд, это во время выборов 1993 года впервые был создан, куда могли обратиться любые граждане и социальные институты, организации, которые выражали свое недовольство поведением журналистов. Третейские суд разбирал эти конфликты. И деятельность третейского суда доказала свою эффективность и в 1995-ом году, кажется, была создана судебная палата по информационным спорам. Это такой странный общественный государственный орган, что судебная палата работала, на мой взгляд, очень хорошо. Она разбирала много скандальных ситуаций, принимала очень грамотные решения, потому что там было несколько лучших юристов страны, разбиравшихся в информационных проблемах, но когда пришел наш новый Президент, то одним из первых решений он упразднил судебную палату, потому, что ее решения далеко не всегда устраивали государственные власти. Это было понятно. Как только ее

упразднили, немедленно на ее руинах возникла совсем общественная организация, которая была создана Союзом журналистов России и она назвала себя «Большое жюри». В состав «Большого жюри» входит 11 человек, несколько опять же опытных юристов, которые перешли из судебной палаты, несколько очень авторитетных издателей, авторитетные журналисты и просто люди, которых профессиональность общества знает и уважает. Сейчас это не государственная структура, они не получают зарплаты нигде, они раз в месяц или по заявке одного из обиженных граждан или организаций собираются, просматривают заявления по поводу действий СМИ. При этом баланс, примерно пополам. Половина решений защищают СМИ, половина решений указывают средствам массовой информации на их некорректное или неправильное поведение. Вот одно из самых громких дел связано с министром культуры России, который одновременно ведет передачу «Культурная революция», хорошая передача. Однажды в одной из своих передач он затронул честь женщин, сказав, что женщины в принципе как бы это аккуратней сказать, «не самые творческие люди». Возмущенные российские женщины, 37 человек написали иск в «Большое жюри». «Большое жюри» вызвало министра, всыпало ему совершенно так сказать, по полной программе. Министр извинился перед женщинами печатно, решение «Большого жюри» было опубликовано, и вот это стало, так сказать еще одним знаком того, что организация стала авторитетной. Я бы очень хотел, чтобы было понятно, что все такие организации, медиасоветом ли он называется, большое ли жюри, национальный совет по печати, как в Германии, или большой совет как там в Швеции, им никто не даст сразу легитимность, никто не заставит журналистов слушаться. Только умные, грамотные, корректные решения и авторитет людей, которые входят в эти организации. Я был очень рад, когда мне сообщили, что в Кыргызстане тоже возникла идея создать подобного рода организацию. Еще больше мне понравилось, что они назвали его медиасовет, намекая тем самым на то, что это будет не узкий совет по защите печати от слишком нахальных читателей и зрителей, потому что и на той конференции, Вы заметили, да, и потом мне много раз говорили о том, что надо нас защищать от настырных руководителей, которые с нами судятся и от читателей, которые не понимают, чем мы занимаемся. Так вот правильная политика, как мне кажется, заключается в том, что медийный совет должен защищать не просто прессу от кого-то, а защищать право граждан на объективную, достоверную информацию. Поэтому иск может быть и против СМИ и в защиту СМИ. Важно, я опять буду повторяться, чтобы действия этого медиасовета помогали наполнению информационного пространства республики достоверной информацией.

Т. Валиева. Понятно. Иосиф Михайлович, возвращаясь к «Большому жюри», Вы сказали, что в составе этого жюри очень авторитетные люди, мнения которых как бы для многих бесспорно уважаемо. Но скажем, неизвестный Сергей Доренко, он просто напроsto как бы не очень уважительно отнесся к «Большому жюри» и проигнорировал, а что в таких случаях?

И. Дзялошинский. Этот вопрос, который интересует не только «Большое жюри» в России, но очень многие организации. Вот в Британии тоже есть совет по прессе, членами которого являются около 3000 средств массовой информации, но, тем не менее, есть средства массовой информации, которые не входят в этот совет. Они игнорируют его. Но в стране, в Англии, например, или в Америке, или в Германии по мере развития складывается такая атмосфера, когда издание или телекомпания не входящая в корпоративные структуры, априори рассматривается как недостойное доверие. Вот точно

также как допустили в России. Третий год бьются над проблемой аудита тиражей. Ну, Вы знаете, что многие издания приписывают себе нули, иногда не один ноль. И поэтому была создана организация Национальный тиражный аудит и каждое издание само добровольно разрешает проверить его настоящий тираж и справа от названия газеты ставится в этом случае значок «тираж аудитичный». Это означает, что издание не обманывает своего рекламодателя. Так вот, по данным на вчерашний, ну не на вчерашний, а на день отъезда из России, насколько я знаю, не больше 1000 изданий России подписали Договор с тиражным аудитом. Все остальные уклоняются. Это означает, что они обманывают читателя и рекламодателя, потому что боятся назвать свой тираж, но по мере развития бизнеса в России, бизнесмены перестанут давать рекламу в издания, которые их обманывают. Вот точно также, Сергей Доренко в определенный 1998-99 год мог проигнорировать решение, допустим, судебного, в смысле «Большого жюри». И это рассматривалось, ну послал он их и послал, журналисты улыбались. По мере накопления авторитета, по мере того, что каждый журналист будет чувствовать не волком-одиночкой, который бегаёт в джунглях информационного так сказать состояния, а профессионалом, который включен в профессиональное сообщество, он будет понимать, что не надо этого делать, руки не подадут. Но для этого должны быть организации, для этого должны быть места, где журналисты встречаются, где ему руку подадут или не подадут. Вот мы вводили такой термин «не рукопожатный» человек, человек которому руки подавать нельзя. Он законы не нарушает, но делает нечто такое, что ему нельзя подать руки. До тех пор, пока человек не будет бояться ситуации, когда ему не будут подавать руки, никакие советы не помогут. Но такое состояние корпоративного сообщества, возникает в условиях уже более-менее устойчивого общества, в условиях гражданского общества, когда люди понимают свое место в жизни, когда они знают, членами чего являются. Ну вот, простой пример. В Америке на 1 млн. жителей приходится примерно 12000 общественных организаций. То есть, практически каждый американец куда-то входит. И он понимает, что отвечает не только перед семьей и собой, но еще и перед коллегами, друзьями, сослуживцами. В Швеции 12000, а у вас я насколько знаю 3000 организаций на 5 млн. Это получается примерно 300 на 1 млн. В России 400 на 1 млн. То есть у нас еще нет такого состояния, когда ты волей неволей должен соразмерять свои действия с общественным мнением. Вот по мере повышения уровня корпоративности общества будет все меньше и меньше тех, кто будет, скажет «да пошли они вместе со своими осуждениями». А осуждения коллег будут значимее, страшнее, чем приговор суда.

Т. Валиева. Вот на самом деле, так и должно быть. Просто как бы распишутся в твоём профессиональном бессилии, грубо говоря. Иосиф Михайлович, ну Вы знаете, на этой конференции поднимались достаточно интересные, достаточно острые вопросы. Вообще, началась она с того, что журналисты – профессионалы, как мы себя все считаем, начали вообще выяснять, что такое все-таки информация. Вот это говорит о чем?

И. Дзялошинский. Это говорит о том, что пока еще на уровне профессиональной корпорации не сложилось ясного понимания собственной миссии: Мы для чего? Я очень люблю, буквально не то, что уважаю, действительно люблю академика А. Брудного и я когда-то, когда был аспирантом, захлеб изучал его книжки. Когда его спросили о том, что такое новости, он ответил: новость это то, что но..., что такое информация спросили да, он ответил, что информация то, что новое. Я не выдержал, встал и сказал, что это не совсем точно. В чисто теоретическом плане, с точки зрения философии, да информация - это то

новое, чего мы не знали, но в приложении к жизни, когда я тогда сказал и сейчас повторю, это субстанция решенная. Информация является той частью нового, которую не просто узнают, которую мы будем использовать для принятия грамотных решений. В этом смысле люди смотрят телевизор, вот я знаю, кто сейчас нас смотрит, и зачем они смотрят. Уже вот восемь утра, да вот это всегда, грубо говоря, смотреть в это время телевизор. Значит смотрят. Люди смотрят телевизор, читают газеты и слушают радио, повинуюсь одной из трех мотиваций. Первое – он хочет узнать что-то, чтобы принять решение. Вот он значит с вами послушает и будет знать, как им относиться к журналистам. Или он смотрит нас, чтобы отвлечься от грустных мыслей. Ему совершенно не важно, о чем он идет, но он просто смотрит на вас, любитесь и думает какая симпатичная женщина. И совершенно ему плевать, о чем мы говорим. А третий, просто смотрит, что он привык, утром включать радио и пить кофе или чай, под или телевизор вот телевизор бубнит ему чего-то, а он себе и не смотрит, а просто. Вот мы знаем по России шум, да, мы по России, знаем, кто, сколько употребляет, зачем употребляет, какие категории. По Кыргызстану я этими цифрами не владею. Но речь идет о следующем, что люди, значительная часть людей нуждается не просто в новостях, а в новостях, опираясь на которую они будут принимать грамотное жизненное решение. А вот, к сожалению, журналисты очень часто рассматривают себя, свои действия не только в Кыргызстане, и в России не как оказание помощи людям в принятии грамотных, жизненных решений, а просто как предоставление возможности потратить там некоторое количество времени в своей жизни на просматривание забавных новостей. Поэтому, я очень настойчиво на конференции говорил. И вот проводя семинар с пресс-секретарями, и проводя семинар с журналистами, я надеюсь, что мы здесь будем работать с журналистами тоже. Я все время доказываю, что средство массовой информации – это социальный институт, который мы с вами, то есть общество придумало и оплачивает не для того, чтобы этот институт нам помогал развиваться и принимать грамотные жизненные решения. Хотя при этом, такая функция, как развлекать, тоже нужна, но только это не журналистика. Вот нам сразу понять вот шоу, это очень важная часть жизни, но это не в журналистике, когда журналист начинает путать самого себя, кто он, и что он, то он не профессионал. Вот, очень жестко, но это так.

Т. Валиева. Понятно. Но в связи с этим тогда у меня вопрос. Вообще, считаете ли вы прессу, вообще средства массовой информации, ну как общепринято считать четвертой властью?

И. Дзялошинский. Нет. Никогда не считал. Я жутко негодовал, когда Михаил Никитич Полторанин, первый министр печати России, вбросил в общественное сознание эту идею. И у меня есть печатная работа на этот счет. Если уж вообще пользоваться этой метафорой «четвертой властью», то речь идет о том, что в демократических странах общественное мнение есть некая общественная власть. И поэтому, первые три власти, даже не три, потому что законодательство, законодательная власть вообще не должна обращать внимания на общественное мнение. Только, условно говоря, представительная и исполнительная. Они в принципе должны общественное мнение учитывать, но общественное мнение, а не СМИ.

Т. Валиева. Формируют то общественное мнение СМИ?

И. Дзялошинский. Вот, вот, вот. Давайте сразу с вами договориться. Уважаемые господа и дамы, дамы и господа, телезрители и телезрительницы. Вот прошло, после моего

выступления вы должны просто прямо и четко усвоить, что СМИ не имеют права формировать наше мнение. Они могут его выражать. Но так получилось, в наших странах, где нет еще общественного мнения, потому что нет общества, нет тех самых 11 тысяч организаций на миллион, где формируется общественное мнение. СМИ узурпировали право выражать общественное мнение и, выражая его, они назад нам его выбрасывают, как готовенькое и многие люди не имея своего мнения, получают это мнение от журналистов и искренне рассматривают его, как собственное. Получилась отрицательная обратная связь. Журналисты, т.е. СМИ, начали накачивать общество готовыми мнениями, мнениями лидеров, подавая это как общественное мнение. В результате 3-4 человека на страну могут создать общественное мнение. Это ужасно.

Т. Валиева. Ужасно. Я тоже с Вами согласна.

И. Дзялошинский. Вот по этому, ну силовыми методами тут ничего сделать нельзя, опять же я возвращаюсь к мысли, что общество должно выражать, очень критично относиться к деятельности СМИ в этом направлении. Каждый раз спрашивать: это чье мнение они выражают мое или не мое. А для этого надо иметь свое мнение, да. В крайнем случае надо иметь возможность сравнивать разные мнения, а для этого должна быть плюралистическая журналистика в двух вариантах: либо должно быть много-много разных СМИ, как в Америке, но для этого должно быть богатое общество, либо должны быть такие издания, которые на своих полосах или на своих программах предъявляют разные мнения, чтобы человек мог хотя бы начать думать, а какое мнение правильное. К сожалению, у нас с вами получилась совсем странная ситуация. Каждое издание говорит: мое мнение правильное и единственно правильное, а поскольку читатель зависит в силу финансовых и временных возможностей, не имеют возможности купить все, то получается так, что нас разрывают между разными мнениями, и мы как тот бреданов осел стоим на месте и вообще не можем двинуться никуда. То есть люди парализованы противоположными мнениями, никак между собой не сходящимися. И в результате возникает ощущение: а пошли вы все. Вот ситуация по России, я по Кыргызстану не знаю, но по России. 1986-год, почти 80% , там 77-78% населения доверяло средствам массовой информации. В 1993-году доверяли уже 50%, даже меньше. 1996-год 30% доверяли. 1999-год доверяли 20%. Вот по данным на начало этого года, по нашим данным, полностью доверяют 7%, а по данным других исследовательских структур и того меньше. А в Британии, я был... специально эти данные, стабильно так называемым таблоидом, т.е. желтым изданием, совсем уж глупым доверяют до 20% населения, а серьезным изданиям до 60% населения. А Би-Би-Си доверяют 80% населения. Но Би-Би-Си – это общественная телекомпания. Там нет ни государства, ни бизнеса. 80% населения доверяют информации, которое сообщает Би-Би-Си. А у нас, извините, или покупают газету, читают ее и не доверяют ни одному слову.

Т. Валиева. Или принимают, как в советские годы было, то что было опубликовано в передовице. Это и было наше мнение, да?

И. Дзялошинский. Это было то мнение, которое мы предъявляли другим, потому что наше мнение было то, что мы на кухне говорили. Это было двоемыслие, знаменитое советское двоемыслие.

Т. Валиева. Да, наши мысли на кухне были одни, а в газете мы читали нечто другое. Но тем не менее Вы упомянули Би-Би-Си, но ведь сейчас на Би-Би-Си тоже начались. Это вот уже современная жизнь, ее влияние, вот и на Би-Би-Си отражается.

И. Дзялошинский. Я этого и ожидал чего-то. Дело в том, что и идеология, и технология деятельности СМИ, средств массовой информации сегодня, формировались в XIX веке. В XIX веке идея абсолютной свободы средств массовой информации в ... американской цивилизации была единственной. Тут не возникало вопросов. Журналист свободен ... первая поправка Конституции Соединенных Штатов говорит, что не Конгресс и вообще никто не имеет права принимать законы, ограничивающие свободу СМИ, шестый, ну и там духовных отпавлений и т.д. и т.д. Это было великое достижение евро-американской цивилизации. Выяснилось, что государство должно заниматься регулированием и управлением, а средства массовой информации должны заниматься контролем над тем, как государство выполняет эту функцию. Знаменитая идеология сторожевого пса, который бегаёт и все время лает. И это было все правильно. Но мы сейчас с вами входим в XXI век, хотя на самом деле мы еще в XX веке. Это еще только разделительная линия, но в принципе мы входим в совершенно иную ситуацию. И экономическую – глобальный мир, и политическую – переход от тоталитарных, вторитарных режимов к демократическим режимам. Но какое качество – это отдельный вопрос. И самое главное – принципиально иную информационную сферу. Если в XVIII – XIX веке журналистика была общественной деятельностью, а отвечала на общественный запрос и во вторую лишь очередь была бизнесом, на газетах Херста, один из первых медиамагнатов, был такой слоган: мой бизнес - правда. Это было блестяще. Я был влюблен в это. Это замечательно. То вот конец XX века показал, что медиа во всем мире становится сначала бизнесом, а потом общественным служением. Произошел переворот пирамиды. И общество, и государство, и мы с вами все время чувствуем, что-то происходит. Издатели, владельцы телекомпаний начинают думать не об общественном служении, они никогда особенно об этом не думали, но общество их могло заставить. А сейчас они думают о том, что они бизнес, прибыльный бизнес, надо зарабатывать деньги, в результате новости вымываются. На той же конференции, какой-то телевладелец вслух сказал о том, что он готов вставлять в новости платные сюжеты. Я думал, что зал взорвется негодованием, никто не пискнул. За это выгоняют раз и навсегда отовсюду. Просто нельзя, а потом даже говорить стыдно. Можно оказывается. Это означает, что в головах у людей что-то сильно сдвинулось. Поэтому общество и государство начинают сильно присматриваться к тому, то ли делаете. И в Америке, цитадель свободной журналистики, по отношению к акулам медиабизнеса начинают так сказать, вокруг них начинаются всякие кордоны возникать. Журналиста могут уволить за то, что не так освещал, и не то освещал. Вы эти истории знаете. И в Англии, пожалуйста, вот еще один пример. Это не единственный, я знаю другие случаи. Поэтому, я вновь возвращаюсь к тому, с чего мы с Вами начали. Единственный способ заставить государство отодвинуться и не вмешиваться в дела прессы, не будем называть ее свободной, независимой, это отдельный разговор. Просто пресса – это создать механизмы глубокого корпоративного самоконтроля. И тогда, может быть, обойтись без государственной, без этого лома дубины государства, который стоит наготове и в любой момент говорит от имени общества: вы плохо себя ведете. Тут есть одна грань, которую надо учесть. Вот это саморегулирование, этот самоконтроль не должны переходить некие границы, т.е. не надо быть той унтер вдовой, которая сама себя высекла, т.е. журналисты обязаны бороться за свое право

свободно говорить то, что нужно обществу, а не то, что нужно бизнесу, власти и прочее, прочее. Но при этом они должны отчетливо понимать, что эта свобода ограничена общественными потребностями, а не личным самолюбованием, а не личными амбициями, нежеланием укунить соседа и прочее, прочее, прочее. То есть соединить бизнес с общественными потребностями – это и есть главная задача современной медиаиндустрии.

Т. Валиева. Иосиф Михайлович, с Вами очень интересно беседовать и так много хочется задать Вам вопросов, но к сожалению, время, которое нам выделено в прямом эфире, оно подошло к концу. И мне остается лишь с сожалением констатировать, что мы прощаемся с Вами, но не прощаемся с нашими телезрителями. Я хочу пожелать Вам успехов во всем, прежде всего, конечно, в Вашей профессиональной деятельности и приезжайте еще к нам в Бишкек.

И. Дзялошинский. Спасибо за приглашение.

Т. Валиева. У нас очень интересно. И медиапространство интересное довольно-таки, вообще жизнь интересная. Кстати, Вам удалось кроме Бишкека, что-то увидеть здесь?

И. Дзялошинский. Ну, на полтора дня нам удалось съездить на Иссык-Куль. Еще раз поудивляться этой махине, этому размаху, этому островку той природы, которая наверное была тут и тысячи лет назад. Да, я думаю, что конечно, вернуть Иссык-Кулю ту славу, которая была у него в мои студенческие годы, когда добирался на перекладных, только чтобы увидеть Иссык-Куль, мне кажется надо бы, а для этого нужны какие-то решения, неординарные решения. Но это, видимо, отдельный совершенно разговор.

Т. Валиева. Да, это отдельный. Ну и напоследок, буквально 30 секунд Вам Иосиф Михайлович. Вот перед Вами аудитория наша республиканская, перед Вами наши телезрители, в том числе, наверное, нас слышат и наши коллеги. Вот, пожалуйста, Ваши слова, какие-то может пожелания.

И. Дзялошинский. Ну, я думаю так, что журналисты, аудитория, власть, гражданские структуры должны начинать переходить от идеологии конфронтации, которая была естественной и нормальной на протяжении полутора веков, к идеологии диалога, извините за то, что эти слова сливаются. Диалог – это то слово, которое, на мой взгляд, является главным в XXI веке. И второе слово, которое к нему примыкает – это толерантность, терпимость по отношению к другому. Другой имеет право быть другим, другой имеет право думать по-другому, в пределах демократической парадигмы, в пределах демократических представлений о способе человеческой жизни и тогда у нас все будет нормально. Мы будем, конечно, спорить, кричать, ругаться, но мы будем знать границу, за которую нельзя переступать.

Т. Валиева. Спасибо, замечательно было сказано. Уважаемые телезрители, у нас был в студии Дзялошинский Иосиф Михайлович, председатель Совета директоров независимого института коммуникативистики, все таки я споткнулась один раз, профессор, президент правозащитного фонда «Комиссия по свободе доступа к информации». Спасибо Вам еще раз огромное за участие в нашей программе.